УДК 32.001:001.4

С. Н. Артановский

Патриоты, космополиты, националисты: историческая эволюция терминов

Статья содержит обзор терминов «патриотизм», «космополитизм», «национализм» в их исторической эволюции. Показано, как со временем и под влиянием каких обстоятельств менялся смысл этих терминов.

Ключевые слова: патриотизм, космополитизм, национализм, гегелевская концепция нации, эволюция понятия «национализм», национализм и современность, национально-государственная идея РФ

Sergey N. Artanovsky

Patriots, cosmopolitans, nationalists: historical evolution of terms

Article contains the review of terms «patriotism», «cosmopolitism», «nationalism» in their historical evolution. It is shown, how in due course and under what influence of circumstances the sense of these terms had changed.

Keywords: patriotism, cosmopolitanism, nationalism, Hegel's conception of the nation, the evolution of the concept of «nationalism», nationalism and modernity, national-state idea of Russian Federation

Окончив филологический факультет Ленинградского университета, пишущий эти строки заинтересовался разделом философской науки, которая посвящена семантическому анализу слов и терминов. Он называется философской семантикой. С этой точки зрения мы и собираемся взглянуть на понятия, указанные в заглавии, избегая развернутых дискуссий по указанным темам.

Слово **патриот** очень давнего происхождения. Оно одного корня с patria, отечество, «земля отцов». Народ, населявший определенную территорию, обрабатывавший ее, строивший на ней дома и растивший в них детей, называл ее Родиной. Люди, жившие на одной родной земле, называли друг друга соотечественниками или, в греко-латинском варианте **патриотами.** Слово **патриот** относилось к месту рождения и проживания, к происхождению человека. Оно первоначально не имело отношения к гражданству, патриотом мог быть свободный, раб и, как ни покажется нам парадоксальным, даже зверь. Но по мере движения к цивилизации термин **патриот** стал насыщаться гражданским содержанием. Патриотом теперь называли человека не только любящего свою Родину, но и сознающего свои обязанности по отношению к своим соотечественникам и к своему государству. Впрочем, чувство локтя было изначальным. Слово патриот не исчезло, но стало обозначать гражданина, лояльного к своему Отечеству.

Если происхождение слова «патриот» относится к временам древним, то слово «космополит» гораздо более позднего происхождения. Словом **космополис** древние греки называли большой город эллинистического периода, в котором жили представители различных народов. Такой многонациональный состав городского населения был новым явлением в истории, которое и потребовало новой идеологии. Античный космополитизм был исторически первой формой идеи мирового единства, зародившейся в европейском пространстве. «Мир нам всем единый прародитель», – сказал Сенека. Но в античном обществе все еще господствовало узкоэтническое самосознание, представление о единстве мира принадлежало небольшой группе философов и просвещенных аристократов, далеких от массы народа.

Однако идеи греческих философов проникли в раннее христианство, и в противовес этнической ориентации иудаизма христианство выдвинуло тезис о том, что «все народы равны перед Богом». «Нет ни эллинов, ни иудеев, есть обрезанные и необрезанные», – писал апостол Павел, понимая в духе времени под обрезанными христиан.

Эту вторую в истории идею мирового единства можно назвать **христианским универсализмом**. Эта идея получила широкое распространение благодаря усилиям Церкви, но практически она мало что изменила в поведении средневекового человека.

Начиная с XVI в., и в особенности в XVIII в., возникла новая форма мировой идеи – **просветительский космополитизм**. Он был создан рядом философов, в особенности французских, и в годы Французской революции конца XVIII в. стал действенной силой. В советское время его называли буржуазным космополитизмом, что более или менее верно, ибо новый вариант космополитизма был связан с приходом к власти

буржуазии. Просветительский космополитизм распространился в широких кругах образованного европейского общества, но лишь временами становился реальной политической силой. В произведениях таких философов, как Дени Дидро, Моро де Сен-Мери, Георга Форстера и других, космополитизм XVIII–XIX вв. остался интеллигентской утопией, мировоззрением поэтов. Характерно высказывание Иоганна Вольфганга Гете, описанное в биографическом очерке Н. А. Холодковского. Разговор Гете и Эккермана представлен биографом в следующей трактовке: «Отвращение Гете к политике послужило, как мы уже знаем, поводом к обвинению его в отсутствии патриотизма. Если под патриотизмом понимать не только любовь к отечеству, но и национальную ненависть, то Гете, конечно, был плохим патриотом, так как расовая ненависть была совершенно чужда душе его. „Между нами, – говорит он Эккерману, – я никогда не ненавидел французов, хотя и радехонек был, что мы от них избавились. Да и как бы я, для которого важны только культура или варварство, мог ненавидеть нацию, чуть ли не самую цивилизованную на свете, которой я и сам обязан значительной долей моего развития?“»[1].

Однако к концу XIX – началу XX в. космополитизм стал все больше превращаться в лицемерную болтовню, которую в корыстных целях использовали буржуазные политики. Он стал ширмой, которая прикрывала колониальные захваты и прочие неблаговидные дела. Потом этот термин приобрел расхожий смысл беспорядочной смеси своего, национального и чужого.

В этом значение он стал использоваться советской пропагандой в середине 40-х гг. XX столетия. Началась «борьба с космополитизмом», имевшая политическую подоплеку. Об этом уже имеются исчерпывающие работы, поэтому мы об этом говорить не станем. Упомянем только два имени, которые непрерывно фигурировали в писаниях советских идеологов. Это Александр Веселовский и его брат Алексей. Оба они были крупные ученые, основатели компаративного литературоведения. Как пионерам в этом деле, им были свойственны некоторые погрешности методологического характера. Так, в своей нашумевшей книге об иностранных влияниях в новой русской литературе Алексей Веселовский правильно отметил наличие многих иностранных влияний в творчестве русских писателей, но в силу своей позитивистской методологии, не позволяющей ученому выходить за узкие рамки своего предмета, полностью игнорировал творческое освоение этих влияний в русской словесности. Книга Алексея Веселовского, вышедшая несколькими изданиями на рубеже XIX–XX в., вызвала уже тогда обвинения в антипатриотизме, которые, кстати, автор тогда же отверг. Сознательно игнорируя то, что компаративизм середины XX столетия далеко ушел от своих истоков, советская пропаганда приписала грехи его зачинателей современным ученым, и это стало предлогом увольнения многих из них из научных учреждений. Однако бесконечное повторение имени Веселовских и выражения «безродные космополиты» набило оскомину российской публике, и о космополитизме стали вспоминать все реже и реже.

Так или иначе, к середине XX в. и позже в научном обиходе термин «космополитизм» стал вытесняться другими терминами, например, «мондиализм», но новые термины не получили широкого распространения.

К концу XX в. появился термин **глобализм**, ставший как бы преемником космополитизма, но на деле своей политической агрессивностью резко отличавшийся от своего предшественника.

Космополитизм был вызван к жизни необходимостью теоретического осмысления растущего международного общения, диалога народов посредством культуры, обмена культурными ценностями. Но, несмотря на успехи этого исторического процесса, остается верным, что всемирная история есть история народов («История христианского мира есть, в сущности, история новых народов» (Н. Н. Страхов))[2]. История каждого народа есть особая глава всеобщей истории. Каждый народ, большой или малый, есть своеобразный культурно-исторический организм, имеющий свой путь исторического развития. Это немаловажное обстоятельство тоже требует осмысления, национальной идеологии, ею претендовала стать доктрина **национализма**.

Национализм появился в самом начале XIX в., его идеи были впервые изложены в сочинениях Фихте и, в меньшей степени, Гегеля. Фихте высказал свои взгляды впервые в Берлине в тот момент, когда зашаталась Наполеоновская империя и французы в оккупированной ими Европе были настроены особенно зло и беспощадно. Фихте выступил с лекциями в Берлинском университете, в которых он призвал немцев сплотиться воедино для отпора иноземным захватчикам. Это было небезопасное дело. Только что французские жандармы расстреляли книгопродавца Пальма, распространявшего брошюры антинаполеоновского содержания. Но Фихте сумел дочитать свои лекции до конца. Позже он издал их в виде книги под названием «Речи к германской нации». В военной сутолоке того времени жена Фихте заболела сыпным

тифом, Фихте самозабвенно ухаживал за ней, но заразился сам и умер. Жена поправилась. Таков был романтический конец этого неуживчивого и страстного человека. Здесь нет места разобрать его сложную и во многом противоречивую книгу. Скажем только, что в ней были изложены идеи национализма, вскоре получившие развитие в трудах Гегеля.

Гегель высказал мысль, что каждая нация должна иметь свое государство и что это государство, национальное государство, есть высший субъект международного права. Выше национального государства, утверждал Гегель, находится только Бог. Эта идея легла в основу современного международного права. Правда, она постоянно нарушалась, сильные государства без зазрения совести попирали суверенитет слабых. Сегодня возникла и соответствующая теория, оправдывающая насилие сильных над слабыми. Это концепция «десуверенизации» государств. Но это уже другая тема.

Национализм XIX в. можно назвать **романтическим национализмом**. Он был связан с протестом народных масс против засилия монархических империй, построенных в результате захватов и династических браков. Монархи распоряжались государством как своей вотчиной, делили ее между сыновьями, дарили, объединяли государства женитьбой наследников престола на иноземных принцессах. Конечно, в XVIII в. это уже уходило в прошлое, но пережитки еще были очень сильны. Национально-освободительные движения, во главе которых стояли такие замечательные люди, как Кошут и Гарибальди, проходили под знаком национализма. Некоторые ученые считают, что именно эти движения создали европейские нации. Мне кажется, что это преувеличение, нации возникли уже в недрах абсолютистских государств, но роль национальных революций в укреплении нации несомненна.

Романтический национализм XIX в. был противоречивым явлением. Горячность патриота, любовь к Родине, революционный пафос иногда переплетались в нем с национальным высокомерием. Что же касается чрезмерного упоения своим национальным, характерен образ Рихарда Вагнера. Это был очень одаренный человек с широким интеллектуальным кругозором, большой музыкант и театральный деятель. Но свои таланты он употребил не всегда к добру. Не без его влияния в Европе после Первой мировой войны появилась новая разновидность национализма, высокомерная и нередко чреватая насилием. Мы склонны назвать ее **ультранационализмом**.

Но вернемся назад, к более гуманной форме национализма. Она зародилась под влиянием позитивизма, пришедшего на смену романтической эпохе. Этот национализм возник во Франции после ее поражения во франко-прусской войне 1870 г. Многие во Франции мечтали о реванше. В обстановке таких настроений была прочитана и опубликована лекция философа Эрнеста Ренана «Что такое нация?». Она явилась во многом переломным моментом в истории национализма. В ней Ренан отказался от господствовавшей в романтизме идеи нации как некоего родового сообщества, несколько подточенного наступившей цивилизацией. Обращаясь к фольклору, художественному творчеству, к мифам, романтизм пытался возродить это родство. Вместо этого Ренан выдвинул тезис: «Нация есть духовное сообщество». Это означало, что человек принадлежит к той национальности, к которой он сам себя причесляет, язык и исторические традиции которой он разделяет. Не «кровь», а духовная близость сплачивают соотечественников, их объединяет любовь к Родине и готовность ее защищать. Так были заложены основы современного понимания нации.

Идеи Ренана получили развитие в работах ряда европейских мыслителей, из которых мы назовем только одного – французского социолога, наиболее известного в первой четверти XX столетия, Алена Турэна. Его понимание национализма отличается четкостью и ясностью. Национализм, писал Ален Турэн, имеет четыре принципа. Во-первых, это включение человека в определенное этническое сообщество, и исключение его из чужого («я – русский, значит, не француз»). Во-вторых, нация есть духовное сообщество. В-третьих, существование полноценной нации невозможно без крепкого государства. Нам идеи Турэна представляются относящимися скорее к нации, чем к национализму. И, может быть, даже к национальному государству. Соображения французского социолога как бы подводят итог эволюции западного национализма XIX в. В XX в. национализм в Западной Европе стал еще более пестрым и многозначным, чем раньше. Ультранационализм приобрел крайне агрессивные формы, но рядом с ним продолжал существовать национализм вполне гуманного толка. Неоромантическое стремление художественно разукрасить национальную идею было не только попыткой преодолеть некоторую сухость позитивистского определения нации, возобладавшее в европейской социологии начиная с последней трети XIX столетия. Оно преследовало цель подчеркнуть эмоциональный элемент национальной стихии, оттенить национальную гордость, присущую большинству народов мира, больших и малых, древних и новых. В этом от-

ношении характерно высказывание немецкого писателя Эрнста Юнгера, который считал себя националистом, но в годы гитлеровского режима не примкнул к национал-социализму и обрек себя на творческое молчание. «Национализм, – сказал он, – это слово, которое дорого тем, кто **верит**». Тем самым нация становилась не только средством идентификации личности, формирование ее самосознания, но и предметом веры.

Но мы оставим европейские пространства и перейдем к России.

Основы русского национального мировоззрения были заложены в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона в XI в. В этой книге были сформулированы три принципа русского исторического бытия: христианская вера, княжеская власть, русская земля. Под «русской землей» Иларион имел в виду не территорию расселения русской нации, которая находилась в это время в состоянии нежного младенчества, а скорее то, что на современном языке мы называем геополитическим пространством. Прозорливый старец как бы предвидел, что на этом пространстве образуется бытие и развитие русского народа – вместе с окружающим его народами. Таким образом, путем гениального прозрения было обрисовано стратегическое единство союза русского народа с другими народами будущей России, ставшее заслоном на пути многовекового крестового похода западных экспансионистов против арабских народов и России.

В своем труде по истории русской культуры П. Н. Милюков описал историю русской мысли XIX в. как борьбу европеизма с национализмом, под которым он разумел славянофильство и почвенничество. Но, насколько мне известно, представители этих направлений себя националистами не называли, да, пожалуй, ими не были, и поэтому им нет места в нашем философско-семантическом очерке. А вот романтиками они, безусловно, были. История термина «национализм» началась в русской мысли прямо с его жесткой критики в произведениях Владимира Соловьева. Он не только написал на эту тему целую книгу «Национальный вопрос в России», но и насытил все дореволюционные русские энциклопедии своими статьями против национализма. Сам он был сторонником «русской идеи», в которой, однако, было мало русского, зато много сумбурного космополитизма вперемежку с мессианизмом. Россия, убеждал всех Соловьев, спасет мир, выстроит Вселенскую церковь и т. д. Соловьевская критика национализма была подхвачена леворадикальной интеллигенцией, а оттуда перешла в советскую идеологию. В ней национализм как абсолютное зло буржуазного происхождения противопоставлялся «пролетарскому интернационализму». Национализм был приравнен к шовинизму, ксенофобии и прочим антимарксистским ересям.

После перестройки положение не изменилось, остались даже репрессии, которые теперь называются наказанием за «разжигание национальной розни». Одна из немногих попыток пересмотреть семантику слов «патриотизм и национализм» была сделана Валентином Распутиным в начале 1990-х гг., но она оказалась мало убедительной и не вызвала откликов.

На этом наше повествование можно было бы и закончить. Но автор не может отказаться от соблазна сделать несколько замечаний от собственного лица. Национализм, как уже было сказано, может становиться реакционным, превращаясь в то, что мы назвали ультранационализмом. Но это происходит далеко не всегда. «Я националист, но я уважаю другие народы», – писал в конце прошлого столетия бывший генеральный секретарь ЮНЕСКО Федерико Майор. Он не единственный в таком понимании национализма. Но национализм имеет одну серьезную «ахиллесову пяту». В любом варианте национализм – концепция самодостаточности нации. Это не лишено некоторого основания, ибо ни один народ не может развиваться, не опираясь на собственные силы. Иностранные влияния могут помочь ему, могут и повредить, но в любом случае это имеет второстепенное значение. Но в нашу эпоху глобализации, интенсивных культурных контактов и единого информационного поля идея самодостаточности нации хромает.

Сегодня обмен культурными ценностями обогащает культуры народов мира, хотя процесс этот не лишен противоречий. Народы сорятся и воюют, сильные вмешиваются во внутренние дела слабых, непослушных подвергают «гуманитарным» бомбардировкам. Вместе с тем идет диалог народов посредством культуры, возникает некий международный культурный фонд. В таком противоречивом, полном соблазнов и угроз мире легко ли быть самодостаточным? Но я обещал не выходить за пределы определения терминов. И все же еще одно замечание, на этот раз последнее. Почему бы не отказаться вообще от слова национализм, заменив его патриотизмом? Но, увы, это не одно и то же. Патриотизм – дело вечное, но это принадлежность массового сознания, и как это сознание в целом, подвержен непрерывным колебаниям. Его смысл не всегда ясен. Национализм более

устойчив. А Российская Федерация нуждается в твердой национальной идеологии. Ею будет, конечно, не национализм, а национально-государственная идея Федерации. Российская Федерация есть единство народов, каждый из которых сохраняет свое национальное своеобразие, но которые живут, трудятся и защищают свою Родину вместе. Каждый народ РФ участвует в общей государственности и вносит в нее свою волю жить вместе с другими народами нашей страны.

Сегодня националистами называют себя многие люди, недовольные существующими порядками, въездом трудовых мигрантов из-за рубежа, бурной глобализацией. Но до национализма как продуманной любви к Родине им, как правило, далеко.

Примечания

[1] Холодковский Н. А. Вольфганг Гете: его жизнь и лит. деятельность. Гл. 8. Гете как человек и деятель. СПб.: Изд-во Ф. Ф. Павленкова, 1891. («Жизнь замечательных людей) // «Собрание классики» Библиотеки Мошкова (Lib. ru / Классика): электрон. б-ка. URL: http: // az. lib. ru (дата обращения: 20. 09. 2013.

[2] Страхов Н. Н. Наша культура и всемирное единство. Гл. 5. Объединители // Литература и жизнь: сайт / А. М. Возлядовская, М. В. Гуминенко. 2008. URL: http: // dugward. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).